

После объединения в 1871 г. Германия еще длительное время не имела каких-либо существенных экономических, политических или военно-стратегических интересов на Балканах и Ближнем Востоке. Поэтому Бисмарк не только мог предоставить России свободу рук в этом регионе, но даже поощрял ее здесь к активным действиям. Германский канцлер явно хотел добиться того, чтобы подтолкнуть Россию, являвшуюся, по его мнению, самым сильным и опасным германским соседом, к «применению своих излишних сил на Востоке», чтобы ослабить ее позиции на Западе. На Ближнем Востоке интересы России приходили в столкновение не только с интересами Великобритании, но и Австро-Венгрии. После победы «малогерманского» варианта объединения Германии (без Австрии) монархия Габсбургов превратилась в самого серьезного соперника России в Юго-Восточной Европе. Поэтому российская дипломатия ! предпринимала все возможные меры, чтобы сковать ее активность на Балканах и воспрепятствовать сближению с Англией или Герма-' нией, причем лучшее средство для этого в Петербурге усматривали в осуществлении совместных действий с Австро-Венгрией. Со своей стороны, германское правительство отнюдь не желало допустить, чтобы интересам Австро-Венгрии был нанесен значительный ущерб или чтобы она была заметно ослаблена. Более того, Германия всячески способствовала расширению влияния двуединой монархии на Балканах'.

Во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. Бисмарк стремился всемерно обострить австро-русский и англо-русский антагонизм на Балканах и Ближнем Востоке, чтобы подтолкнуть Россию к войне с Турцией. На состоявшемся еще в начале 1875 г. секретном совещании в Вене правящими кругами Австро-Венгрии в качестве ближайшей внешнеполитической цели была намечена аннексия Боснии и Герцеговины ².

В этой связи можно вспомнить, что австрийские притязания на Боснию имели весьма долгую историю. После первого вторжения Валленштейна во время Тридцатилетней войны в Боснию в 1626 г. австрийцы, преследуя разбитых под Веной турок, достигли Сараево и разрушили его. Во время русско-турецкой войны 1768—1774гг. австрийский кабинет некоторое время выступал за приобретение

55

Сербии с Белградом и куска территории Боснии вместо участия монархии Габсбургов в первом разделе Польши³.

На встрече Александра II с Францем-Иосифом в Рейхштадте (чешек. Закупы) в июле 1876 г., посвященной обсуждению балканских проблем, по поручению А. М. Горчакова и Д. Андраши были составлены записи этих переговоров, которые расходились по ряду вопросов. Обе державы были согласны следовать принципу невмешательства, потребовать в случае военного успеха Турции восстановления довоенного положения в Сербии, признания независимости Черногории и проведения административных реформ в Боснии и Герцеговине, обязались не способствовать образованию на Балканах большого славянского государства. В соответствии с русским вариантом записей Черногория должна была присоединить Герцеговину, а Сербия — некоторые части Старой Сербии и Боснии. В этом случае монархия Габсбургов получала турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней части Боснии. Согласно австрийской записи, Сербия и Черногория приобретали лишь пограничные районы Боснии и Герцеговины, а их остальную часть имела право аннексировать Австро-Венгрия. России возвращалась отторгнутая по Парижскому договору 1856г. Бессарабия. Константинополь должен был стать «вольным» городом ⁴. Лишь в секретной Будапештской конвенции 1877 г., подписанной Россией и Австро-Венгрией, было предусмотрено, что в качестве компенсации за нейтралитет Дунайской монархии в случае русско-турецкой войны Босния и Герцеговина должны целиком отойти к ней⁵.

Рассматривая вопрос о возможности войны с Турцией, правящие круги России хотели заручиться поддержкой Бисмарка. В это время Ф. М. Достоевский, отражая широко распространенное в России мнение, в «Дневнике писателя» за март 1876 г.

отмечал, что ключ «к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине и тоже в шкатулке у князя Бисмарка»⁶. В записях писателя, относящихся к июлю—августу 1876 г., говорилось, что «большинство немецких газет наполнено теперь самыми яростными выходками против России»⁷. В Англии и Германии, писал он, «опять-таки лгут поголовно», сами не веря ни в одно слово из своих обвинений, что «Россия усилится, овладеет Востоком, Константинополем, Средиземным морем, портами, торговлей. Россия низринется варварской ордой на Европу и „уничтожит цивилизацию“»⁸. Великий русский писатель развивал идею русского предназначения, первый шаг которого «должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России». Отвечая на антироссийские выступления зарубежной прессы, он высказывал мнение, что «Золотой Рог и Константинополь —

56

57

всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия...». Единение славянства должно осуществиться «не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать..., дать им... собраться с духом и... принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации»⁹. «Ну, а немцам что, пресса-то их чего всполошила?» — задавал вопрос Ф. М. Достоевский и, понимая суть проблемы, отвечал на него: «А этим тб, что Россия стоит у них за спиною и связывает им руки, что из-за нее они упустили своевременный момент свести с лица земли Францию уже окончательно, чтобы уж не беспокоиться с нею

веки»

10

Учитывая распространенность в Германии антирусских настроений, российское правительство прилагало усилия к тому, чтобы выяснить отношение Берлина к возможным действиям России на Балканах. Осенью 1876г. Бисмарк получил зашифрованную телеграмму из Ливадии от германского военного уполномоченного генерала Вер-дера, в которой тот по поручению Александра II просил сообщить, останется ли Германия нейтральной в случае войны России с Австрией, вмешательство которой было совсем не исключено¹⁰. Ответ на этот вопрос мог оказать большое влияние на решение России о вступлении в войну с Турцией. Германскому послу в России Г.-Л. фон Швейницу Бисмарк поручил как можно скорее отправиться через Петербург в Ливадию и заявить российскому императору, что «если... мир между Россией и Австрией невозможен, то хотя мы могли бы допустить, чтобы наши друзья проигрывали и выигрывали друг у друга сражения, однако не можем допустить, чтобы одному из них был нанесен столь тяжкий урон и ущерб, что окажется под угрозой его положение как независимой и имеющей в Европе значение великой державы». Это заявление, считал Бисмарк, «имело своим последствием, что русская буря пронеслась из Восточной Галиции на Балканы, что Россия, прервав с нами (с Германией. — *Авт.*) переговоры, вступила в переговоры с Австрией, потребовав сохранения их в тайне от нас». На основе Будапештской конвенции, «а не Берлинского конгресса, — утверждал Бисмарк, — Австрия владеет Боснией и Герцеговиной; а русским был обеспечен нейтралитет Австрии во время их войны с турками»¹².

Между тем Бисмарк предпринимал значительные усилия, чтобы не допустить предотвращения русско-турецкой войны. Более того, он прямо-таки провоцировал такую войну. 9 ноября 1876 г. он писал: «...если император Александр вступит в войну против Турции, то это не будет для нас несчастьем, если ему позволят действовать без вмешательства; таким образом, это было бы полезно для всеобщего

мира». Далее он признавал, что считает совершенно неприемлемой и неблагодарной для Германии задачей «употребить немецкое влияние на то, чтобы помешать русскому выступлению против Турции»¹³.

Вовремя 10-й русско-турецкой войны Австро-Венгрия, хотя и колеблясь по внутриаполитическим соображениям, противостояла России, выступая совместно с Англией. Как Пруссия во время Крымской войны, Германия, еще не имея на Балканах

значительных экономических и политических интересов, держалась на заднем плане. Бисмарк считал, что активное политическое вмешательство Германии в восточные дела было бы уже из-за вовлеченности в них Англии весьма опасно для недостаточно утвердившихся позиций Германской империи в центре Европы. Оно могло нанести ущерб отношениям с партнерами по Союзу трех императоров — Австро-Венгрией и Россией, нередко шедшими чреватых коллизиями внешнеполитическим курсом. 5 декабря 1876 г. на заседании рейхстага он произнес свои, ставшие знаменитыми, слова о том, что он не будет «советовать какого-либо активного участия Германии в этих делах», поскольку «в целом не видит для Германии никакого интереса, который стоил хотя бы только... крепких костей одного-единственного померанского мушкетера»¹⁴. При этом, разумеется, подразумевались лишь прямые политические и связанные с ними военные обязательства на Ближнем Востоке. Однако в общем для Бисмарка восточный вопрос, несомненно, был «объектом большой политики», где германская дипломатия могла использовать традиционные противоречия между европейскими державами на берегах Босфора для усиления напряженности в отношениях между ними, отвлекая их внимание от Центральной Европы и укрепляя тем самым позиции Германской империи.

Когда германский кайзер Вильгельм I стал подумывать о более деятельном вмешательстве в события, происходившие в Юго-Восточной Европе, Бисмарк разъяснил ему, что главный интерес Германии заключается не в том или ином изменении условий в Османской империи, а в той позиции, которую займут дружественные державы в отношении Германии и друг друга. «Вопрос о том, окажемся ли мы из-за восточных неурядиц на длительное время в расстроенных отношениях с Англией, еще больше с Австрией, но больше всего с Россией, является для будущего Германии бесконечно более важным, чем все отношения Турции к своим подданным и европейским державам»¹⁵.

Оценивая события на Балканах с точки зрения большой политики, Бисмарк стремился окончательно повернуть экспансионистский натиск Австро-Венгрии с севера в юго-восточном направлении. При

58

этом он исходил из необходимости сохранения монархии Габсбургов как великой державы. Именно на Балканы, являвшиеся наряду с Эльзасом и Лотарингией важнейшим центром возможных европейских осложнений, Бисмарк рассчитывал «вытеснить» юго-восточного соседа Германии. Здесь было широкое поле деятельности для обеих сил, игравших огромную роль в двуединой монархии: династия могла удовлетворить свои честолюбивые претензии, а армия — совершать свои «подвиги». Сюда должны были направить свои взоры (и капиталы!) австрийские промышленники и банкиры, строители железных дорог и разного рода культуртрегеры, стоявшие «в такой трогательной близости к австрийским правящим кругам». Позиция незаинтересованности в восточных делах давала Бисмарку возможность регулировать в интересах Германии взаимоотношения обоих соперников на Востоке — России и Австро-Венгрии и их отношения с Германией. Монархия Габсбургов, занятая на Востоке, не представляла опасности для Пруссии в Германии¹⁶.

В ответ на подписание 19(31) января 1878 г. в Адрианополе (Эдир-не) перемирия между Россией и Турцией, когда Оттоманская Порта согласилась на выдвинутые Россией условия мира, австро-венгерский министр иностранных дел Д. Андраши поставил Петербург перед альтернативой: война или мирная конференция великих держав¹⁷. Однако Россия ответила на это подписанием 19 февраля (3 марта) очень выгодного для нее мира в Сан-Стефано (совр. Ешилькёй). Договор предусматривал полную независимость Сербии, Черногории и Румынии с присоединением к ним новых территорий, автономию Боснии и Герцеговины. Болгария, простиравшаяся от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера, формально оставалась под турецким сюзеренитетом, но приобретала широкую автономию с правом избрания князя. Россия получала некоторые территории, включая отторгнутую ранее часть Бессарабии¹⁸.

Вильгельм I не возражал против этих условий, но стремление Австро-Венгрии

также завладеть куском турецких территорий его взорвало: «Требования Австрии являются настолько чрезмерными, что Россия вполне могла бы ответить аннексией всей Болгарии, потому что Франц-Иосиф требует аннексии всей Боснии и Герцеговины»¹⁹. Такие мысли были у Вильгельма проявлением зависти к старому немецкому сопернику, вновь добившемуся успеха.

Именно в это время граф Петр Шувалов, российский посол в Британии, передал в Берлин предложение Петербурга созвать в германской столице конгресс, чтобы предотвратить угрозу войны России с Англией и Австрией. Позднее Бисмарк писал: «Я был тогда тяжело болен, и лишь переданное мне П. Шуваловым пожелание царя Алек-

59

сандра II заставило меня подготовить и созвать конгресс». При этом Бисмарк умолчал, что неоднократно обещал России оградить ее от враждебной коалиции Австрии и Англии²⁰.

Предложив себя на роль «честного маклера», Бисмарк пригласил европейские державы в Берлин на конгресс, призванный обсудить условия мира между Россией и Турцией. В это время германский кайзер, будучи русофилом, оставался политически нейтральным, желая сохранить мир и Союз трех императоров. Ибо, по его мнению, развал этого союза сделал бы войну в Европе неизбежной. Однако инициатива Бисмарка его не устраивала. Если конгресс состоится в Берлине, что было бы «очень почетно для Германии и особенно для Пруссии», то лично кайзеру это доставило бы немало неприятных мгновений. «Потому что моя роль — это роль посредника, а он не может угодить никому!» — писал Вильгельм I. И хотя третейским судьей становился не он, а Бисмарк, это только усиливало его недовольство. Кайзера беспокоила личная неприязнь Горчакова и Бисмарка, что царь и Россия должны были в полной мере испытать на себе во время работы конгресса²¹.

Место заседаний конгресса, предназначенного для решения восточного конфликта, свидетельствовало о центральном положении новой Германии в системе европейских государств. Германская империя, уже являясь мощной державой, еще не имела вполне определенных экспансионистских целей и уж меньше всего в Юго-Восточной Европе, что позволяло ей взять на себя посреднические функции. Свое согласие на участие в мирном конгрессе Россия поставила в зависимость от его проведения в Берлине, что автоматически обеспечивало председательство на нем Бисмарка. От него и Пруско-Германии Россия ожидала благодарности за предоставленное ею тыловое прикрытие во время прусских войн за объединение Германии²².

1(13) июня 1878 г. представители России, Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Италии и Турции собрались в Берлине, чтобы на немецкой земле и при германском посредничестве урегулировать конфликт, вызванный русско-турецкой войной. Кон-фесе состоялся недалеко от кайзеровского дворца Унтер ден Лин-ден в помещении имперской канцелярии, бывшем дворце Радзи-виллов. 63-летний Бисмарк собирался с выгодой для себя осуществить посредничество: он стремился к тому, чтобы ни одно государство не получило всего, чего добивалось, ни одно не осталось без ничего и чтобы на периферии Европы сохранялись очаги напряженности, отвлекавшие на себя внимание держав от Центральной Европы, и таким образом «честный маклер» превратился бы в международного арбитра²³.

60

Через четыре недели «берлинский мир» был согласован, но, как говорили, отнюдь не стал окончательным, прежде всего, потому, что Россия была лишена значительной части своих завоеваний. Несмотря на предварительное согласие России на большое уменьшение территории Болгарии и гарантированную Османской империей оккупацию Англией Кипра, Берлинский конгресс во время своей месячной работы временами находился почти на грани срыва. Предусмотренная Сан-Стефанским мирным договором Великая Болгария была урезана более чем наполовину и ограничена территорией между Дунаем и Балканами с расположенной в ее западной части Софией. Она не получила Македонии и тем самым выхода к Средиземному морю. Болгария становилась автономным государством с правом избирать своего князя, которого с

согласия великих держав должен был утверждать султан. Болгарские территории к югу от Балканского хребта получили название Восточной Румелии, оставшейся под властью султана. Была признана независимость Сербии, Черногории и Румынии. В то же время возвращение Ново-Пазарского санджака Османской империи территориально разъединяло Сербию и Черногорию. Румынии передавалась Северная Добруджа, а России — придунайская часть Бессарабии. Австро-Венгрия не приобрела того, на что рассчитывала: вместо аннексии она осуществляла только «временную» оккупацию Боснии и Герцеговины «вплоть до установления там порядка». Вместе с тем благодаря этой оккупации монархия Габсбургов получила солидное тыловое прикрытие для своей Далмации, протянувшейся узкой полосой вдоль побережья Адриатики. К тому же территорию Ново-Пазарского санджака совместно занимали австро-венгерские и турецкие войска²⁴.

Берлинский конгресс стабилизировал мир между самими европейскими великими державами гораздо более чем на пять лет, довольствоваться которыми уже был готов главный помощник Бисмарка И. Радовиц. Однако, оставив нерешенным ряд балканских проблем и обострив русско-австрийские и сербо-болгарские противоречия, Берлинский трактат (1(13) июля 1878 г.) сохранил балканский узел острого международного соперничества. Третьей стороной осмистали, прежде всего — русские. Александр II был крайне раздражен Бисмарком и вместе с ним Вильгельмом I. Союзу трех императоров теперь угрожала опасность не только из-за старого антагонизма между Россией и Австро-Венгрией, но и новых противоречий между Россией и Германской империей. Сам Бисмарк сказал 2 ноября 1878 г. о результатах Берлинского конгресса, что было бы «триумфом нашего государственного искусства», «если бы нам удалось оставить открытым восточный нарыв и благодаря этому рас-

61

строить единство других великих держав и обеспечить наш собственный мир»²⁵.

Компромиссы, достигнутые на конгрессе, никого не удовлетворили, что привело к ряду локальных конфликтов, в которых в разной степени участвовали те или иные великие державы. Бисмарк в 1878 г. сумел развести «фланговые» державы — Англию и Россию, но при этом существенно урезал русскую программу. Он стремился осуществлять эту операцию щадящим для России образом и в своих «Мыслях и воспоминаниях» рассматривал себя почти как «четвертого русского делегата». Но в правящих кругах России считали, что подверглись пренебрежительному и бесцеремонному обращению со стороны Германии. По существу же важнейшие решения Берлинского конгресса подталкивали последующее развитие в направлении к европейской войне²⁶.

Берлинский конгресс ознаменовал коренной поворот в германской политике на Юго-Востоке Европы. Его непосредственным результатом стало стойкое недовольство России германским посредником, прежде всего самим Бисмарком. Оказав поддержку Австро-Венгрии, германский канцлер уже фактически занял такую позицию в отношении этой страны, которая вскоре привела к оформлению двойственного австро-германского союза.

Германские уполномоченные в смешанных комиссиях по разграничению определенных Берлинским конгрессом территорий на Балканах бесцеремонно третировали русских представителей, неизменно поддерживая Австрию и Англию и отвергая русские предложения, вносившиеся в интересах болгар или Черногории²⁷.

Бисмарк считал «существенной гарантией европейского мира и безопасности Германии, если бы Германская империя заключила с Австрией такой договор, который ставил бы себе целью по-прежнему заботливо сохранять мир с Россией и в то же время обеспечивал бы помощь друг другу, если бы одна из обеих держав все же подверглась нападению. Взаимно застраховав себя таким путем, обе державы могли бы, как и прежде, посвятить себя новому укреплению союза трех императоров. В союзе с Австрией Германская империя не нуждалась бы в поддержке со стороны Англии...»²⁸.

Бисмарк приложил большие усилия, чтобы завоевать на свою сторону еще думавшего по-старопруски кайзера. Между прочим, канцлер ссылаясь на то, что

Дунайская монархия и Германская империя стоят друг к другу исторически и в культурном отношении ближе как преемники Священной Римской империи, чем к России, которой угрожает «славянская» (т. е. панславистская) «революция». Несмотря на сопротивление Вильгельма, Бисмарк 24 сентяб-

62

63

ря отправил ему согласованный в Вене проект договора о тайном оборонительном союзе между Германией и Австро-Венгрией и даже пригрозил отставкой своего кабинета в случае его отклонения. Вздыхая, что Бисмарк нужнее, чем он, кайзер 15 октября 1879г. подписал договор о двойственном союзе. Однако он отправил царю частное письмо, в котором сообщил о заключенном против его воли договоре, попытавшись преуменьшить его опасность: в сущности двойственный союз, писал он, является лишь новым изданием Германского союза, покоившегося на согласии обеих немецких великих держав, т. е. он вполне в духе Священного союза и Союза трех императоров²⁹.

Считая в то же время, что между интересами Германии и России нет существенных расхождений, а, следовательно, и неустрашимых зародышей конфликтов, Бисмарк выступал за сохранение добрососедских отношений с Россией и после заключения союза с Австро-Венгрией. В случае же охлаждения в отношениях Германии с Россией в Вене, по его мнению, станут возрастать претензии к германскому союзнику. Так, она могла потребовать подменить оговоренное условие союза, которое распространялось только на русское нападение на Австрию, «защитою австрийских интересов на Балканах и на Востоке, что, — писал Бисмарк, — с успехом пытались делать даже в нашей прессе. Естественно, что у жителей Дунайского бассейна имеются потребности и планы, которые выходят за теперешние границы Австро-Венгерской монархии... Но в задачи Германской империи не входит жертвовать достоянием и кровью своих подданных для осуществления желаний соседа»³⁰.

Признавая, что «не только панславизм и Болгария или Босния, но также сербский, румынский, польский, чешский вопросы и, даже еще и теперь, итальянский вопрос в Триенте, Триесте и на далматском побережье могут стать пунктами кристаллизации не только австрийских, но и европейских кризисов, которые, несомненно, затронут германские интересы лишь постольку, поскольку Германская империя вступит с Австрией в отношения солидарной ответственности»³¹, Бисмарк, тем не менее, не отрицал того, что «сохранение Австро-Венгерской монархии как независимой, сильной великой державы, необходимо Германии для европейского равновесия, и ради этого мир страны в случае необходимости может быть со спокойной совестью поставлен на карту»³².

Австро-Венгрия, в свою очередь, не теряла надежды на поддержку Германии при возможном столкновении с Россией на Балканах и в то же время надеялась прийти к соглашению с Россией о разделе сфер влияния в этом регионе.

После заключения двойственного союза Германия с целью изоляции Франции проявляла повышенный интерес к установлению союзнических отношений с Италией. Поскольку британская оккупация Кипра в 1878 г. приблизила Англию к Египту и Суэцкому каналу, Бисмарк в качестве компенсации подтолкнул в 1881 г. Францию к занятию Туниса, на который претендовала Италия. Это побудило Италию присоединиться к двойственному союзу. Монархия Габсбургов, в свою очередь, также была заинтересована в сотрудничестве с Италией для обеспечения своего тыла на случай войны с Россией. Переговоры между тремя странами завершились подписанием 20 мая 1882 г. союзного договора. Так произошло образование Тройственного союза, военно-политического блока Германии, Австро-Венгрии и Италии³³. Возглавив его, немецкая дипломатия в самом начале 80-х гг. XIX в. поставила перед собой задачу вовлечь в сферу своего влияния Балканские страны и Османскую империю.

Обсуждение транспортной политики на Балканах, порученное Берлинским конгрессом «комитету четырех», позволило развернуть «железнодорожную экспансию». Барон Мориц Гирш, венский банкир и биржевой спекулянт, еще в 1871 г.

получил от Османской Порты по рекомендации австрийского правительства концессию на строительство и эксплуатацию железной дороги от Савы до Константинополя с ответвлением на Салоники³⁴.

В 1875 г. было завершено сооружение линии от Константинополя через Адрианополь до Белове с веткой от Адрианополя к порту Дедеагач на Эгейском море, железной дороги Тырново—Ямбол и македонской линии Салоники—Ускюб (Скопье)—Митровица. Однако Гирш так и не выполнил обязательства соединить турецкие железные дороги с австро-венгерской железнодорожной сетью³⁵.

На Берлинском конгрессе было принято решение, что Болгария должна на своей территории соорудить соединительную линию между австрийскими железными дорогами и Константинополем. Такая линия вполне очевидно должна была заметно усилить австрийское влияние в этой стране. Борьба вокруг болгарских железных дорог играла в 80-х гг. большую роль в международных финансовых кругах, в русско-болгарских и русско-австрийских отношениях. В 1883 г. в соответствии с постановлением Берлинского конгресса между Австро-Венгрией, Турцией, Сербией и Болгарией была заключена конвенция о соединении железных дорог этих стран³⁶. Однако Вена еще несколько лет оставалась без прямой железнодорожной связи с Константинополем.

С начала 80-х гг. XIX в. глава «Дойче Банк» Г. Сименс стал проявлять большой интерес к Восточным железным дорогам. В 1882 г.

64

он совершил поездку в Бухарест и Белград и с этого времени поддерживал «дружественные отношения» с администрацией железных дорог барона Гирша. В 1886 г. Сименс отмечал большую выгодность овладения этими линиями и создания единой сети Восточных железных дорог³⁷.

Созданный под руководством парижского общества «Контуар насьональ д'Эсконт» при участии «Берлинер хандельсгезельшафт», немецких банков Мендельсона и Варшауэра, а также дома Эрланге-ра (Франкфурт-на-Майне) консорциум вместе с австрийским «Винер лендербанк» стал финансировать Сербию и строительство железнодорожного участка Белград—Белове³⁸.

Стремлению России завладеть строительством железнодорожных линий в Болгарии противостояли английский, французский, австрийский и германский капитал. К концу 1886 г. германская финансовая группа под руководством «Дойче Банк» и при поддержке германского ведомства иностранных дел одержала победу в этой острой конкурентной борьбе, окончательно лишив Россию возможности строительства болгарских железных дорог³⁹.

В декабре того же года российский финансист Поляков предложил царскому правительству свое посредничество в приобретении акций турецких железных дорог, построенных еще до освобождения Болгарии и официально принадлежавших в то время турецкому правительству, которое сдало их Гиршу в аренду на 50 лет. Поляков рассчитывал на дипломатическую поддержку российского МИД, чтобы не допустить перехода турецких железных дорог в руки английского или германо-австрийского капитала. Посредством скупки этих акций Россия должна была, по его мнению, постепенно завладеть всеми железными дорогами в европейской Турции, Болгарии и Сербии и тем самым усилить здесь свое влияние. После некоторых колебаний царское правительство отказалось пойти на это. Полякову удалось лишь на время оттянуть продажу железных дорог Гирша⁴⁰.

Между тем, опираясь на свои уже достаточно окрепшие после оккупации Боснии и Герцеговины позиции в западной части Балканского полуострова и ощутимую германскую поддержку, Австро-Венгрия развернула экономическую экспансию и активные политические маневры, направленные на расширение своего влияния в центральной и восточной части полуострова, причем приобретение выхода к Салоникам через Вардарскую долину стало надолго основной стратегической целью монархии Габсбургов⁴¹.

Решающую роль в осуществлении этих планов играло установление контроля над

Сербией. За спиной русского партнера, почти одновременно с возобновлением Союза трех императоров, 28 июня

65

1881 г. Австрия заключила с Сербией секретный договор, дополнявший бисмарковскую систему союзов.

Болгарский кризис середины 80-х гг. позволил Бисмарку укрепить отношения с Россией. Он рекомендовал Австро-Венгрии не вмешиваться в события в Болгарии, а России посоветовал не создавать повода к войне с двуединой монархией. Одновременно он обещал российскому правительству воздействовать на Австро-Венгрию, чтобы удерживать ее от действий, которые могли бы привести к конфликту с Россией. Бисмарк предупредил Австро-Венгрию, что в войне, спровоцированной ею против России, Германия не будет участвовать. Если же действия России будут угрожать Болгарии или Проливам, то, по мнению Бисмарка, Австро-Венгрия должна уступить пальму первенства англичанам и спокойно следить за продвижением русских войск вглубь Балканского полуострова, когда начнут сказываться огромные преимущества географического положения Трансильвании. Хотя предложения германского канцлера направлены были на то, чтобы сохранить Союз трех императоров, он дал понять Петербургу, что заинтересованность Германии в сохранении Австро-Венгрии и хороших отношений с ней достаточно велика, чтобы побудить ее, хотя и против своей воли, к войне, если австрийской монархии будет угрожать серьезная опасность⁴².

Даже весьма двусмысленная позиция, занятая Бисмарком в интересах сохранения Союза трех императоров, вызвала протест не только ряда германских политических деятелей, кронпринца и его приближенных, но и у некоторых лиц из ближайшего окружения Бисмарка. Между прочим, ее не разделял и Г. Сименс, именно в это время проявлявший повышенное внимание к ближневосточным делам, в чем ему содействовало ведомство иностранных дел. Ф. А. Гольштейн, «серый кардинал» германского внешнеполитического ведомства, потребовав от Австро-Венгрии быть активнее на Балканах, обещал ей помощь Германии и подталкивал ее к совместным действиям с Англией. Генерал-квартирмейстер А. Вальдерзее выражал сомнение в успехах бисмарковской политики в отношении России. Он считал целесообразным примириться с распадом Союза трех императоров, советовал пустить в ход восточный вопрос и начать большую войну, т. е. войну на два фронта. Фон дер Гольц, как и Вальдерзее, придерживался мнения, что Германия в подходящий момент должна «нанести удар» по России⁴³. Хотя «болгарский» кризис и был улажен, Союз трех императоров прекратил свое существование, о чем, вероятно, не сожалел ни один из его участников.

Бисмарк все же не хотел рвать знаменитый «провод в Россию». Когда из-за обострения австро-русских противоречий на Балканах

66

стало невозможным продление Союза трех императоров, Бисмарк решил «перестраховаться», чтобы затруднить сближение России с «вечным врагом» — Францией. 6(18) июня 1887 г. Бисмарк и Павел Шувалов подписали в Берлине секретный русско-германский «договор перестраховки», в соответствии с которым обе стороны обязались сохранять благожелательный нейтралитет в случае войны с третьей державой, исключая нападение России на Австро-Венгрию, а Германии — на Францию. Германия признавала «исторически приобретенные права» России на Балканском полуострове и особенно законность ее преобладания и решающего влияния в Болгарии и Восточной Румелии. Признавался принцип закрытия Проливов для военных судов всех наций. Германия и Россия договорились не допускать территориальных изменений на Балканах без взаимного согласования и выступать против любых попыток изменения status quo в регионе. В строго секретном дополнительном протоколе Германия принимала обязательство, придерживаясь благожелательного нейтралитета, оказывать России моральную и дипломатическую поддержку, если царь будет вынужден в российских интересах принять на себя «защиту входа в Черное море» и «ключи от своей империи» и не соглашаться на восстановление на

болгарском троне Александра Баттенберга. Таким образом, «договор перестраховки» вновь содержал подтверждение «незаинтересованности» Германии в делах Балкан и Ближнего Востока⁴⁴. Договор был заключен на три года и после отставки Бисмарка не был продлен германским правительством, считавшим, что он может помешать укреплению союза Германии с Австро-Венгрией и наметившемуся сближению между Германией и Англией.

В декабре 1887 г. австрийцы, с одной стороны, и германские военные круги — с другой, оказывали на Бисмарка сильное давление, подталкивая его к войне против России, в поддержку Австрии. За войну с Россией активно выступал и венгерский парламент. Бисмарк, не желая и слышать о подобных предложениях, заявил, что не хочет «самоубийства из страха перед смертью»⁴⁵. Чтобы продемонстрировать «оборонительную сущность» австро-германского союзного договора, Бисмарк 3 февраля 1888 г. опубликовал его текст, однако — под давлением Австро-Венгрии — без последнего пункта, ограничивавшего срок его действия пятью годами. Этим он невольно признавал постоянный характер двойственного союза. Через три дня Бисмарк выступил в рейхстаге с одной из своих последних больших речей, в которой одобрил политику России в Болгарии

Успехи германской дипломатии на Балканах были закреплены развернувшейся в этом регионе широкой экономической экспансией,

67

которая, в свою очередь, прокладывала путь дальнейшему усилению здесь политического влияния Германии. Германское экономическое проникновение осуществлялось в различных формах. Основными из них являлись развитие торговых связей, предоставление займов и банковские операции, инвестиции в промышленность, участие в железнодорожном строительстве. Направление экономической экспансии, как правило, совпадало с политическими интересами Германии.

Среди стран Юго-Восточной Европы особый интерес для Германии как с политической и экономической, так и с военно-стратегической точек зрения приобретали Турция и Румыния. Находясь между Австро-Венгрией и Россией, Румыния как бы отделяла Балканский полуостров от царской России. Последовательным проводником германского влияния в этой стране стал воцарившийся в 1866 г. на румынском престоле (король с 1881 г.) под именем Кароля I отпрыск германского княжеского рода Гогенцоллерн-Зигмаринген. Если в 50-х годах Бисмарк утверждал, что «устье Дуная представляет очень мало интереса для Германии»⁴⁷, то в письме, направленном 11 февраля 1867 г., он давал князю совет выполнить «вполне достижимую» для Румынии задачу — стать «Бельгией» в устье Дуная⁴⁸. В течение долгих лет восседая на румынском престоле, Кароль использовал все возможности для укрепления в стране германского влияния. Много позже русский дипломат Гире писал о нем: «Личные убеждения короля и его воспитание побуждают его усиленно работать на пути водворения в Румынии немецкой культуры и сближения ее с Австро-Венгрией и Германией... Он... придавал всей своей деятельности характер чужеземного благодеяния, основанного на убеждении, что будущность Румынии кроется в ее германизации и в водворении в ней германских интересов»⁴⁹.

Вскоре после прихода Кароля I к власти румынское правительство выдало иностранцам две крупные концессии на строительство железных дорог, одной из которых завладел англо-австрийский синдикат, а другую получил германский финансист Штрусберг. Однако уже летом 1871 г. румынское правительство отобрало концессию у обанкротившегося Штрусберга⁵⁰. Тогда в дело решительно вмешались германское «Дисконто-гезельшафт» и банк С. Блейхредера, что привело к созданию акционерного «Румынского железнодорожного общества». Между тем Штрусберг продолжал требовать от румынского правительства удовлетворения своих претензий, из-за чего между Германией и Румынией возник серьезный конфликт. Германское правительство оказало Штрусбергу мощную поддержку, отказавшись признать независимость румынского государства до удовле-

«Дранг нах Зюд-Остен»

творения требований немецкого финансиста. Румыния была вынуждена пойти на ликвидацию конфликта со Штрусбергом, приняв решение о выкупе железных дорог. В 1880 г. румынское государство стало собственником железных дорог страны, одновременно попав в финансовую зависимость от группы германских банков⁵¹.

Железнодорожная сеть длиной почти в 1000 км, которой располагало «Румынское

железнодорожное общество», связывала Бухарест с Вирчиорово на венгерско-румынском участке границы по Дунаю и Романом и Галацем на русско-румынской границе. Строительство этой линии осуществляло «Привилегированное Австрийско-Венгерское государственное железнодорожное общество», зависевшее от «Венского земельного банка», «Парижского учетного банка» и «Дис-конто-гезельшафт». Доведя свою железнодорожную линию в Южной Венгрии до Оршова на границе с Румынией (вблизи Вирчиорово), оно тем самым установило прямое железнодорожное сообщение от германо-австрийской границы (Дечин) через Прагу, Вену, Будапешт и Бухарест вплоть до румыно-российской границы⁵².

В июне 1881 г. рейхстаг утвердил заключенную еще в 1877г. германо-румынскую торговую конвенцию, которая была весьма выгодной для Германии. Сочетание конвенционного тарифа с принципом наибольшего благоприятствования обеспечило немецким промышленным товарам широкий доступ на румынский рынок⁵³.

Германская дипломатия в то время прилагала немалые усилия, чтобы, с одной стороны, способствовать ухудшению отношений между Россией и Румынией, обиженной потерей Бессарабии, а с другой — содействовать урегулированию противоречий между Румынией и Австро-Венгрией. Итогом явилось вовлечение Румынии в 1883 г. в союз Центральных держав. Следует отметить, что тесные финансовые связи «Дисконто-гезельшафт» и Блейхрёдера с румынским правительством уже заложили весьма прочную экономическую базу для установления союзнических отношений между Германией и Румынией.

В военной конвенции, подписанной между монархией Габсбургов и Румынией, за последней признавалось «право» на увеличение территории за счет принадлежавшей России Бессарабии, а также Шумлы, Силистры и других болгарских территорий. Обхаживая болгарского князя Фердинанда Кобургского, Вена подстрекала Румынию к выдвижению неправомерных требований в отношении Болгарии. Договор Румынии со странами Тройственного союза сохранялся в глубокой тайне и впоследствии неоднократно продлевался⁵⁴.

В начале 80-х гг. произошла активизация деятельности германских банков в Румынии, которые стали проводниками и опорой экспансии. Руководящая роль здесь принадлежала «Ди-

69

сconto-гезельшафт». В 1881 г. оно создало банковский консорциум, который должен был заниматься размещением румынских займов, предназначенных для вооружения румынской армии, строительства крепостей, развития путей сообщения и т. п. В состав консорциума вошли С. Блейхрёдер и банкирский дом «Ротшильд и сыновья» во Франкфурте-на-Майне. В нем участвовал также «Национальный банк Румынии», пайщиком которого являлось румынское государство. Закладывая займы с группой германских банков, Румыния принимала обязательство закупать в Германии различные материалы, что способствовало подчинению экономики страны германскому капиталу⁵⁵.

В течение 1881-1888 гг. Румыния получила у синдиката германских банков ряд займов на общую сумму в 400 млн золотых лей *. В 1892—1896 гг. внешние займы королевства составили 335 млн лей, предоставленных немецкими банками при участии французского капитала. Финансы страны оказались в зависимости от германского денежного рынка, на котором в 1895 г. было размещено 3/5 всех иностранных займов Румынии⁵⁶. В некоторых румынских займах принимали участие также «Дармштадтский» и «Дрезденский» банки, «Дойче банк» и банк «Берлинер хандельсгезельшафт».

В 1897 г. «Дисконто-гезельшафт» и С. Блейхрёдер создали в Бухаресте «Всеобщий Румынский банк», первый германский банковский институт на Балканах. Новый банк всеми средствами содействовал укреплению экономических и политических позиций Германии в Румынии, имел несколько отделений и активно участвовал в торговле хлебом⁵⁷.

Немецкие капиталы способствовали развитию германского экспорта в Румынию. Еще в 1880 г. член правления «Дисконто-гезельшафт», наблюдательного совета «Дортмундер унион» и правления «Центрального союза германских промышленников» Руссель стал на 25 лет управляющим румынским генеральным консульством в Берлине, что оказалось чрезвычайно удобным для германской экспортной промышленности⁵⁸. В торговых отношениях между двумя странами особую роль играли торговые договоры 1881, 1893 и 1906 гг. Германия получала из Румынии продукты сельского хозяйства, составлявшие 2/3 всего румынского экспорта, а также такие важные Стратегические товары, как нефть и

бензин. Германия ввозила в Румынию металлы и металлические изделия, текстильные и кожаные Товары, лекарства, красители и другие промышленные товары. По требованию германского правительства Румыния была вынуждена

* Лей тогда приравнивался к французскому франку.

70

ввести такие таможенные ставки, которые соответствовали «подлинным» экономическим потребностям Германии. С 1890 г. Германия занимала первое место в румынской торговле⁵⁹.

Связи Румынии с Германией и Австро-Венгрией становились все более тесными. Так, в 1895 г. состоялась встреча Кароля с Францем Иосифом в Ишле, которой австрийские газеты придавали исключительное значение. Отличавшийся прогерманской ориентацией глава консерваторов П. Карп заявил в интервью для прессы, что Румыния заключила с монархией Габсбургов соглашение, предполагающее «взаимную вооруженную кооперацию».

Синайский протокол от 30 сентября 1896 г. продлил действие секретного договора между Румынией и Австро-Венгрией до 25 июля 1903 г. В октябре 1896 г. в Бухарест прибыл Франц-Иосиф в сопровождении министра иностранных дел и военного министра. При встрече был произведен парад румынской армии, что создавало впечатление существования военного союза между обеими странами⁶⁰. По просьбе румынского правительства в 1899 г. консорциум «Ди-сконто-гезельшафт», являвшийся по существу монопольным кредитором королевства, при участии французского капитала предоставил Румынии крупный заем⁶¹. В связи с этим российский посланник Фонтон в своей депеше, направленной в Петербург, отмечал, что германские банкиры уже завладели большинством румынских ценных бумаг, а «Дисконто-гезельшафт» «в продолжение нескольких десятков лет» относится к Румынии, «как к дойной корове». Имея в виду последний заем, Фонтон писал, что «участие Германии к юному королевству далеко не платоническое: финансовое и экономическое порабощение всего края Германией сделало за последнее время

огромные успехи»⁶².

Германский капитал производил значительные инвестиции в румынскую промышленность. К началу XX в. почти половина германских капиталов на Балканах оказалась размещенной в Румынии. Все это содействовало втягиванию страны в орбиту Тройственного союза. Выражая общую точку зрения германской и австро-венгерской дипломатии, министр иностранных дел монархии Габсбургов граф А. Голуховский, много лет занимавший до этого пост посланника в Бухаресте, не без основания мог назвать Румынию «образцовым государством», а ее короля — «образцовым сувереном» на

Балканах⁶³.

Между тем по мере своего ослабления Османская империя привлекала к себе все большее внимание великих держав. Однако, как констатировал позднее германский политический деятель и финансист, знаток Ближнего Востока Карл Гельфферих, Турция играла

«Дранг нах Зюд-Остен»

71

«для экономической деятельности Германии... в первые два десятилетия (существования) новой Германской империи только подчиненную и второстепенную роль»⁶⁴.

Когда по инициативе Берлинского конгресса султан в 1881 г. издал Мухарремский декрет, поставивший Османскую империю под международный финансовый контроль, доля Германии в турецком долге составляла всего лишь 4,7 %. В Управлении оттоманского государственного долга Германия была представлена банкирским домом С. Блейхрёдера. Позднее состав берлинского комитета кредиторов Турции дополнили «Дойче банк» и государственный банк «Пройссише Зеехандлунг». Мухарремский декрет был крупным шагом к превращению Османской империи в полуколонию европейского капитала. Германские банки финансировали торговлю с Ближним Востоком, но их участие в турецких займах еще было незначи-

тельным

65

Великие державы проявляли повышенный интерес к «судьбе больного человека на Босфоре» в значительной мере из-за географического положения Турции, так как она держала под своим контролем Черноморские проливы и непосредственно примыкала к наи-

более уязвимым частям Британской колониальной империи. Для Германии чрезвычайно важным было то обстоятельство, что коммуникации, связывавшие ее с Турцией, проходили по суше и не могли быть блокированы британским флотом. Развитие событий на Балканах и Ближнем Востоке побудило германскую дипломатию, исходя из политических и экономических соображений, включиться в активную борьбу за влияние в этой стране⁶⁶.

Возрастание интереса правящих кругов Германии к Османской империи нашло свое отражение в отправке ряда бывших германских государственных служащих в качестве «советников» и «реформаторов» в турецкие министерства финансов, юстиции, торговли и земледелия, горного дела и лесного хозяйства, министерство общественных работ, а также в Главное управление таможен, почт и телеграфа⁶⁷.

В своей восточной политике Бисмарк, несомненно, руководствовался принципом, что отношения Германии с Османской империей должны быть приспособлены и подчинены отношениям Германии и Австро-Венгрии с Россией. Правящим кругам Германии представлялось целесообразным укрепить Турцию, сделав ее противовесом этой державе, а может быть и союзником Германии в случае войны против нее. Генеральный штаб в Берлине отводил Турции существенную роль в своих планах «превентивной» войны с Россией⁶⁸.

72

«Дранг нах Зюд-Остен»

После завершения восточного кризиса Бисмарк в 1882 г. разрешил отправить в Константинополь для реорганизации турецкой армии германскую военную миссию, которую с 1885 по 1895 г. возглавлял К. фон дер Гольц (впоследствии фельдмаршал). «Эра фон дер Гольца» стала важным этапом на пути германского «мирного проникновения» в Османскую империю. Благодаря посредничеству германской военной миссии немецкими фирмами было за эти годы получено не менее чем на 100 млн франков заказов на поставки вооружения и военных материалов (миноносцы, полевая и береговая артиллерия, винтовки, артиллерийские снаряды и патроны)⁶⁹. При активной поддержке германской дипломатии и промышленных кругов фон дер Гольцу удалось добиться почти монопольного положения германской военной промышленности в деле продажи вооружения Османской империи. Главными поставщиками полевых орудий и тяжелой артиллерии стала фирма Крупна, винтовок и карабинов — оружейные заводы Маузера и Лёве⁷⁰.

Для покрытия затрат на приобретение оружия турецкие власти были вынуждены прибегать к внешним займам. В 1888 г. «Дойче банк» предоставил Османской империи заем на сумму в 30 млн марок, подлежавший погашению в течение 25 лет. В займе участвовали также «Берлинер хандельсгезельшафт», банкирский дом Р. Вар-шауэр и К°, «Дойче ферайнсбанк» и «Вюртембергисхе ферайнсбанк». С этого времени «Дойче банк» имел отношение почти ко всем финансовым операциям, связанным с Турцией⁷¹. В турецких займах принимали участие также такие крупные германские банки, как «Ди-сконто-гезельшафт», С. Блейхрёдер, «Дрезденский» и «Дармштадт-ский» банки и «Берлинер хандельсгезельшафт».

Побывав на свадьбе своей сестры в Афинах, Вильгельм II в 1889 г. совершил свою первую поездку в Константинополь. Путешествие кайзера на берега Босфора по праву было воспринято в европейских столицах, и прежде всего в Петербурге, как знак наступления новой эпохи в германо-турецких отношениях. Визит кайзера еще более упрочил положение миссии фон дер Гольца и привел к расширению сферы торгово-финансовых интересов Германской империи на Ближнем Востоке. Российский посол А. И. Нелидов с большой озабоченностью сообщил своему правительству об этом «чрезвычайно важном политическом событии», которое наносит вред влиянию России вне зависимости от того, намерен ли Бисмарк вовлечь Турцию в Тройственный союз или нет. Беспокойство Нелидова вызвал повышенный интерес, проявленный кайзером к укреплению турецкого военного потенциала, особенно в пограничных с Россией районах; в этом русский посол усматривал главный смысл поездки кайзера в Константинополь⁷².

«Дранг нах Зюд-Остен»

73

Созданная в 1889 г. гамбургскими коммерсантами Немецкая Левантийская линия установила весной 1890 г. регулярное пароходное сообщение с турецкими и другими портами Средиземноморья⁷³. При активном содействии «Дойче банк» 26 августа 1890 г. между Германией и Османской империей был подписан Договор о дружбе, торговле и

судоходстве, который российский посол в Берлине П. А. Шувалов охарактеризовал как «один из плодов визита Вильгельма II в Константинополь»⁷⁴.

Таким образом, в конце 80-х гг. произошел решительный поворот в отношении крупного германского капитала к Османской империи. Директор «Дойче банк» Георг фон Сименс заявил 12 декабря 1890 г. с трибуны рейхстага, что прошли те времена, когда германский капитал был лишь участником английских и французских предприятий в Турции, рискуя вместе с ними, но не обеспечивая своей доли в руководстве. Теперь германский капитал чувствует себя настолько окрепшим, что готов в интересах развития германской индустрии выступить там самостоятельно⁷⁵.

В связи с событиями на Балканах с середины 80-х гг. среди магнатов тяжелой промышленности и представителей крупного банковского капитала Германии стали раздаваться голоса о том, что настало время резко активизировать немецкое участие в делах Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока и, отбросив бисмарковскую концепцию образования четко разграниченных сфер влияния европейских держав на Балканском полуострове, добиваться завоевания там новых рынков сбыта. Решающего расширения экономических и военно-политических позиций Германии в этом регионе они ожидали прежде всего от форсированного строительства соединительных линий между австро-венгерско-сербской железнодорожной сетью и турецкой железной дорогой на Константинополь⁷⁶.

В 1888 г. была завершена постройка железнодорожной магистрали, соединившей Вену с Константинополем, что открыло прямое железнодорожное сообщение от Берлина до берегов Босфора. Однако для немецких финансистов этого было явно недостаточно. Они рассчитывали поставить под свой контроль Восточные железные дороги, принадлежавшие Гиршу⁷⁷.

В 1888 г. «Дойче банк» приобрел у Турции железную дорогу Хай-дарпаша-Измит и получил концессию на строительство и эксплуатацию железнодорожной линии от Измита через Эскишехир до Анкары. В марте 1889 г. «Дойче банк» вместе с «Дрезднер банк» и другими германскими банками учредили в Константинополе Оттоманское общество Анатолийских железных дорог, которое должно было построить линию от Измита до Анкары⁷⁸.

74

«Дранг нах Зюд-Остен»

Получив концессию на Анатолийскую железную дорогу, Сименс стал опасаться того, что контролируемые «Дойче банк» малоазиатские железные дороги как бы «повиснут в воздухе» и считал необходимым соединить их с европейской железнодорожной сетью. Имелись в виду Восточные железные дороги Гирша. В 1889 г. «Дойче банк» совместно с «Венским банковским союзом» приобрели у Гирша контрольный пакет акций Общества эксплуатации Восточных железных дорог. Так железнодорожная сеть на Балканах общей протяженностью в 1260 км оказалась под контролем германского капитала. Немцы завладели, в частности, железнодорожной линией Константинополь—Белове, расположенной на кратчайшем пути от Босфора к Вене⁷⁹. Как писал позднее директор «Дойче банк» К. Гельфферих, это отдало «мост между малоазиатскими железнодорожными предприятиями „Дойче банк" и европейской железнодорожной сетью в надежные руки»⁸⁰.

Почти одновременно представитель «Дойче банк» А. Каулла вступил в переговоры с турецким правительством о концессии на строительство и эксплуатацию железной дороги в Македонии. В октябре 1890 г. «Дойче банк» была предоставлена концессия на линию Салоники—Монастир (219 км) с преимущественным правом на ее продление к какому-либо порту на Адриатическом побережье. Движение поездов по этой железной дороге было открыто в 1894 г., причем ее техническое обслуживание осуществляло Общество эксплуатации Восточных железных дорог. Фон дер Гольц, именовавший себя «старым другом немецких железнодорожных предприятий на Востоке», отмечал, что дорога Салоники—Монастир очень похожа на Анатолийскую железную дорогу от Измита до Анкары, так как и строительство и эксплуатация обеих линий находятся в одних и тех же руках. Он придавал Восточным железным дорогам большое стратегическое значение⁸¹.

Получив концессию на Анатолийскую железную дорогу и установив контроль над Восточными железными дорогами и линией Салоники-Монастир, «Дойче банк» прибрал к рукам обширную железнодорожную сеть в Юго-Восточной Европе и Малой Азии длиной в 2 тыс. км. Для финансирования созданных германским капиталом железнодорожных обществ «Дойче банк», «Венский банковский союз» и «Швайцерише кредитанштальт» создали в Цюрихе «Банк Восточных железных дорог». Контроль над этой железнодорожной сетью имел не только первостепенное экономическое значение, но и давал Германии мощные рычаги политического воздействия на страны этого региона, а также важные стратегические позиции⁸².

«Дранг нах Зюд-Остен»

75

Преодолев сопротивление своих соперников, Османское общество Анатолийских железных дорог в феврале 1893 г. приобрело концессию на строительство и эксплуатацию железной дороги Эс-кишехир—Конья. В концессионном договоре впервые была высказана главная идея всего проекта, «подлинным отцом» которой был Сименс, — соединить Константинополь с Багдадом⁸³. «Дойче банк» играл в Турции столь значительную роль, что в финансовых кругах его называли «банкиром султанов».

Приступив к осуществлению «мировой политики», провозглашенной Вильгельмом II в связи с 25-летием создания Германской империи и в речи статс-секретаря по иностранным делам Б. фон Бюлова в рейхстаге 6 декабря 1897 г., потребовавшего для Германии «места под солнцем», германский капитал резко усилил свою экспансию в Османской империи, стремясь превратить ее в свою полуколонию.

Отправившись в паломничество «по святым местам», кайзер с огромной свитой и в сопровождении Бюлова на белоснежной яхте «Го-генцоллерн» прибыл 18 октября 1898 г. в Константинополь. Вместе с ним в столице Турции оказались Сименс и Цандер. Результаты этой поездки, открывшей новый этап в экспансионистской политике германского империализма в Османской империи, были очень велики. «Я покинул Турцию с убеждением, — писал Бюлов в своих мемуарах, — что мы имеем здесь обширную сферу для хозяйственной деятельности, а в случае реальной опасности — верного друга, относительно внутренних слабостей которого мы не должны питать иллюзий и от зеленого знамени которого не следует ожидать многого»⁸⁴.

Бюлов, как и Сименс, прекрасно понимал, что грандиозный план строительства Багдадской железной дороги «мог быть осуществлен только при проведении Германией осторожной, искусной и направленной на сохранение мира политики»⁸⁵. Однако кайзер, испытывавший пристрастие к султану и всему турецкому и мусульманскому, не считал нужным скрывать свои эмоции. По прибытии в Дамаск на торжественном банкете он заявил: «Его величество султан и триста миллионов магометан, живущих на земле, которые почитают в нем своего халифа, могут быть уверены в том, что во все времена германский кайзер будет их другом». Речь Вильгельма II вызвала недовольство Бюлова, который полагал, что* эта «эскадронная точка зрения», с одной стороны, пробуждает опасные иллюзии в Константинополе, а с другой — вызовет недоверие к немцам и недовольство французов, англичан и русских, во владениях которых проживает много подданных-мусульман⁸⁶. Нельзя забывать также, что, кроме самих турок, немалая часть населения Балканского полуострова тоже исповедовала ислам, как. напоимеп в

76

«Дранг нах Зюд-Остен»

Ревностным проводником германских интересов на Золотом Роге стал назначенный в 1897 г. на пост германского посла в Константинополе Маршалль фон Биберштейн. Борьбу за Багдадскую железную дорогу он рассматривал как дело всей своей жизни⁸⁷. Уже в первом донесении в Берлин он сообщал о том, какие огромные возможности таит в себе Османская империя в качестве объекта для экспорта капитала, строительства железных дорог, мостов, портов, электростанций, развития городского транспорта, не говоря уже о военных поставках⁸⁸.

После неоднократного продления контракта фон дер Гольц в 1895 г. покинул турецкую службу. Так как найти подходящего преемника для него не удалось, а значение постоянной

надежной информации о турецких вооруженных силах и военном потенциале страны было очевидным, в Берлине было принято решение учредить в Константинополе пост военного атташе. Капитан Морген и его преемники в Турции, в большинстве своем являвшиеся также флигель-адъютантами кайзера, сыграли большую роль в укреплении германского влияния в этой стране⁸⁹. Так, Морген активно отстаивал германские интересы в строительстве Багдадской железной дороги.

В марте 1899 г. Бюлов категорически высказался в поддержку экспансионистских устремлений «Дойче банк», в отношении которых ведомство иностранных дел «не только не имеет никаких сомнений», но, напротив, готово оказать железнодорожному строительству в Османской империи содействие «по всем направлениям». На благополучном решении вопроса о продлении Анатолийской железной дороги до Багдада, писал Бюлов кайзеру, «будет основываться расширение нашего торгового оборота и освоение страны в общегерманских интересах»⁹⁰.

23 декабря 1899 г. Георг фон Сименс и министр общественных работ Турции Цихни Паша подписали договор о предварительной концессии на строительство Багдадской железной дороги, которая была предоставлена Оттоманскому обществу Анатолийских железных дорог. Это общество обязалось в течение восьми лет построить железную дорогу от Коньи до Багдада и Басры⁹¹. Приобретение концессии на Багдадскую железную дорогу было большим политическим и экономическим успехом правящих кругов Германии.

К началу XX в. Германия обогнала Францию и заняла третье место в турецкой внешней торговле — после Великобритании и Австро-Венгрии. По темпам увеличения экспорта в Османскую империю Германия обогнала всех своих соперников. Но установить безраз-ПРП1.ЫЫЙ контроль над турецкой экономикой ей не удалось⁹².

«Дранг нах Зюд-Остен»

77

Укрепляя свои экономические и политические позиции на Балканах, германские правящие круги стремились обеспечить надежную сухопутную связь с Османской империей. Юго-Восточная Европа стала одним из главных направлений экспансии германского империализма, которое через Малую Азию и Сирию достигало Багдада. Усиление империалистических противоречий в борьбе за передел мира приобрело на рубеже веков особую остроту именно на Балканах и Ближнем Востоке, где перекрещивались и сталкивались жизненно важные интересы Германии, Австро-Венгрии, России, Франции, Англии и Италии. Именно здесь германский экспансионизм с особой агрессивностью и алчностью добивался укрепления и расширения своих сфер влияния, осуществляя тем самым свои притязания на мировое господство. «В качестве моста к азиатскому полю эксплуатации Балканы приобрели для очень влиятельной части германского капитала собственный интерес, — писал К. Либкнехт в начале Первой мировой войны. — Возрастающая связь между германским и австрийским капиталом и военно-политические аспекты германо-австрийского двойственного союза также придали позиции Австрии на Балканах важное значение для официальной германской политики»⁹³.

Пожалуй, Болгария служила наиболее ярким примером страны, проникновение в которую германский и австро-венгерский капиталы осуществляли совместно. Однако, прежде чем во второй половине 80-х гг. приступить к активной экспансии в этой стране, германский капитал «предоставил возможность» австрийским финансистам собственными силами разбираться с противостоявшей им французской, английской и русской конкуренцией, как бы подготавливая почву для прибыльного и менее рискованного экспорта капитала из Германии. Австрийскому капиталу удалось создать в Болгарии выгодный рынок сбыта для своей промышленной продукции и добиться большого влияния на значительную часть болгарской буржуазии⁹⁴. Самыми прочными позициями в Болгарии располагали «Австрийский земельный банк», связанный с французским капиталом, и «Венский банковский союз», являвшийся постоянным партнером «Дойче банк»⁹⁵.

Одной из самых ранних и важнейших форм проникновения иностранных капиталов в Болгарию стали государственные займы, связанные прежде всего с сооружением железных дорог. 17 декабря 1888 г. в Болгарии был принят закон о строительстве железных дорог Ямбол-Бургас и Каспичан-Тырново-Плевен-София. Для покрытия расходов на эти работы и приобретения подвижного состава Болгария обратилась за займом к Вене. В 1889 г. «Венский банковский союз»

«Дранг нах Зюд-Остен»

и «Австрийский земельный банк» при участии «Дойче банк» предоставили Болгарии заем в 30 млн франков⁹⁶. Полученных денег хватило только на завершение линий Цариброд—София—Вакарел и Ямбол—Бургас. Заем был гарантирован обеими строящимися железными дорогами со всеми станциями, постройками, недвижимым имуществом и подвижным составом. Первая линия, соединенная с сербской границей, была введена в эксплуатацию в июне 1888 г. Затем у турецкого правительства был выкуплен участок Вакарел—Белове, а у Общества эксплуатации Восточных железных дорог — линия Белове—Сарамбей. Эта линия соединила сербские железные дороги с Восточными железными дорогами и была длиной в 170 км⁹⁷.

В эти же годы крупные германские банки несколько раз участвовали в предоставлении займов «Болгарскому народному банку». В 1889 г. «Дойче банк» и «Дрезднер банк» заключили первую сделку с «Болгарским народным банком» на номинальную сумму в 10 млн франков, фактически выплатив ему лишь 4 млн франков. Только в 1890 г. «Болгарский народный банк» смог получить у этих банков дополнительный заем в 2 млн франков путем выпуска ипотечных

облигаций⁹⁸.

В 1892 г. Болгария заключила договор о крупном ипотечном займе с «Австрийским земельным банком», «Национальным банком Германии», «Имперским Оттоманским банком», «Парижским и Нидерландским банком» и некоторыми другими банками. Гарантией займа служили несколько болгарских железных дорог и пристани Варны и Бургаса. На деньги, полученные от банковского консорциума, Болгария, в частности, предприняла строительство железной дороги на Чирпан, создавая тем самым конкуренцию Восточным железным дорогам в направлении на Константинополь и Дедеагач. В конце XIX в. не было почти ни одного болгарского займа, в котором в той или иной степени не принимал бы участия германский капитал («Дойче банк», «Дрезднер банк», «Национальный банк

Германии»).

Еще в 1893 г. болгарское правительство предприняло тщетную попытку приобрести железнодорожные линии, построенные в пределах страны Обществом эксплуатации Восточных железных дорог, контрольным пакетом акций которого распоряжались «Дойче банк» и «Венский банковский союз». «Общество», правление которого находилось в Вене, а техническое руководство в Константинополе, вело себя в Болгарии как государство в государстве и даже имело собственную валюту¹⁰⁰.

Германский капитал ревниво оберегал свои позиции. Когда в 1898—1899 гг. Болгария приступила к строительству линии от Чирпана на

«Дранг нах Зюд-Остен»

79

Нову Загору, что создавало угрозу интересам Общества эксплуатации Восточных железных дорог, директор «Дойче банк» Сименс придал протестам германских и австро-венгерских властей реальную силу, приняв меры против допуска болгарских ценных бумаг на Берлинскую биржу. Болгария была вынуждена отступить, прекратив строительные работы на участке Сарамбей—Чирпан¹⁰¹. В марте 1899 г. болгарское правительство капитулировало перед мощным фронтом германского и австрийского капиталов, подписав соглашение с Обществом эксплуатации Восточных железных дорог о передаче ему в аренду линии Чирпан-Нова Загора, которая вступила в эксплуатацию в сентябре 1900 г. Болгария брала на себя обязательство в течение 25 лет не строить железнодорожных линий, которые могли бы конкурировать с Восточными железными дорогами. В результате этого соглашения и вследствие экономического кризиса железнодорожное строительство в Болгарии прекратилось на несколько лет, а выкуп Восточных железных дорог в границах государства произошел только в 1909 г.¹⁰²

В 90-х гг. в предоставлении займов Болгарии германские банки серьезно конкурировали с консорциумом, объединявшим «Парижский и Нидерландский банк» и «Австрийский земельный банк». Однако вес этого консорциума в финансах Болгарии неуклонно возрастал. Так, если в ипотечном займе 1889 г. «Австрийскому земельному банку» «противостояла» мощная коалиция «Венского банковского союза» и «Дойче банк», то совершенно иной была картина займов 1892 и 1896 гг. (последний был заключен

«Болгарским земледельческим банком»). Здесь «Национальный банк Германии» выступал партнером финансовой группы «Парижского и Нидерландского банка», и «Австрийского земельного банка»¹⁰³.

Конфликт между Болгарией и Обществом эксплуатации Восточных железных дорог ухудшил финансовое положение страны, чем поспешил воспользоваться «Дойче банк». Однако Сименс вынужден был начать переговоры с «Парижским и Нидерландским банком» о совместных действиях в Болгарии. Посетив Софию во время поездки в Константинополь в декабре 1899 г., глава «Дойче банк» обсуждал финансовые проблемы с болгарскими министрами и германским посланником Райхенау. Речь шла о железнодорожном займе в 260 млн франков, который немцы собирались предоставить Болгарии совместно с французскими финансистами. Возможные при размещении займа затруднения Сименс рассчитывал переложить на своих французских коллег. 12 декабря 1899 г. в письме одному из руководителей «Дойче банк» он отмечал, что французов следует держать в Болгарии на переднем плане, так как

80

«Дранг нах Зюд-Остен»

в противном случае «весь прежний болгарский долг... обрушится на голову» немцам¹⁰⁴.

Переговоры в Софии завершились 1 января 1900 г., когда болгары подписали соглашение с представителями французской и германской финансовых групп о государственном займе в 30 млн франков¹⁰⁵. Заем, предоставленный Болгарии на весьма неблагоприятных условиях, нанес существенный ущерб экономике страны.

Иностранный, в том числе германский, капитал причинял большой вред Болгарии: подчинял себе государственные финансы, захватывал важные отрасли промышленности, расхищал природные богатства страны, диктовал государству экономическую политику. Зарубежный финансовый капитал эксплуатировал Болгарию по существу колониальными методами, рассматривая эту страну как удобный плацдарм для расширения экспансии на Балканах и Ближнем Востоке.

В Болгарии развернулась упорная конкурентная борьба между германскими и австро-венгерскими финансистами, с одной стороны, и французскими капиталистами, с другой. В банках Болгарии доминировал иностранный капитал. Государственные займы страны на 3/5 состояли из французского, а остальная часть — из австрийского, германского и русского капиталов. Поставки оружия в Болгарию осуществлялись в основном французской фирмой Шнейдер—

Крезо¹⁰⁶.

В 1897-1906 гг. германские капиталы в Болгарии в ценных бумагах составляли 114,3 млн марок¹⁰⁷. Но в действительности их участие в болгарской экономике этим не ограничивалось. Часть их выступала под видом австрийских инвестиций. Усилению зависимости Болгарии от Германии и монархии Габсбургов содействовало то обстоятельство, что правил страной князь Фердинанд Кобургский, являвшийся их ставленником.

В германской экспансии на Балканах Сербия занимала скромное место, входя в сферу влияния Австро-Венгрии. Монархия Габсбургов претендовала не только на оккупированную территорию Боснии и Герцеговины, но и стремилась в какой-либо форме установить свой политический и экономический контроль над западной частью Балканского полуострова и обеспечить себе свободный путь на Салоники.

В начале 80-х гг. финансирование сербского правительства осуществляли «Берлинер хандельсгезельшафт» и «Австрийский земельный банк», а до 1885 г. также немецкие банкирские дома Блейхрё-дера и Мендельсона. «Берлинер хандельсгезельшафт» был одним из немногих германских банков, заинтересованных в сербских займах,

«Дранг нах Зюд-Остен»

81

в которых он участвовал в тесном сотрудничестве с некоторыми банкирскими домами Германии¹⁰⁸.

Когда в октябре 1885 г. разразилась сербо-болгарская война, которая по существу должна была обеспечить «Австрийскому земельному банку» контроль над западным участком железной дороги Восточной Румелии, более 40 % всего сербского государственного долга уже находилось в руках немецких финансистов. Одновременно возрастало участие германского капитала в сербском железнодорожном строительстве.

«Австрийско-Венгерское государственное железнодорожное общество» построило железную дорогу от Будапешта до Белграда. Германский капитал, на этот раз при участии «Дойче банк», в середине 80-х гг. продолжил сооружение этой линии до Царибрда на сербо-болгарской границе и затем через Софию и Вакарел до Белове, являвшегося исходным пунктом построенной Гиршем железной дороги до Константинополя. Так было установлено прямое железнодорожное сообщение между Веной и Константинополем ¹⁰⁹. Сербские государственные займы и финансирование строительства сербских железных дорог принесли крупным германским банкам и германской промышленности большие доходы, которые к тому же обеспечивались выгодными для Австро-Венгрии и Германии торговыми договорами с Сербией.

Группа немецких банков во главе с «Берлинер хандельсгезельшафт», «Парижский учетный банк» и «Австрийский земельный банк» создали консорциум, который стал основным кредитором Сербии. В 1884 г. Сербия получила у этой финансовой группы заем в 40270 тыс. франков золотом, а также железнодорожный ипотечный заем в 25 млн франков, гарантированный сербским государством. С этого времени «Берлинер хандельсгезельшафт» постоянно принимал участие в сербских займах. Так, в 1886 г. этот банк совместно с «Парижским учетным банком», «Австрийским земельным банком» и немецкими банкирскими домами «Р. Варшауэр и К°» и «Эр-лангер и сыновья» предоставили Сербии заем в 1600 тыс. франков, гарантированный табачной монополией ¹¹⁰. Заключенный в 1888 г. заем у Франции, Австро-Венгрии и Германии привел к увеличению внешней задолженности страны на 20 млн динаров. В 1892 г. консолидированный долг Сербии составлял уже 326 млн динаров ¹¹¹.

Очередной государственный заем был предоставлен Сербии в 1893 г. «Имперским Оттоманским банком» (Париж), «Австрийским земельным банком» и «Берлинер хандельсгезельшафт». В 1894 г. этот берлинский банк активно участвовал в переговорах о новом займе, который собирались использовать для конверсии предыдущих сербских займов ¹¹².

82

«Дранг нах Зюд-Остен»

«Дранг нах Зюд-Остен»

83

Опасаясь банкротства, Сербия в 1895 г. вынуждена была пойти на заключение нового конверсионного займа. Соглашение между «Имперским Оттоманским банком» и «Берлинер хандельсгезель-шафт», достигнутое в июне 1895 г. в Карлсбаде, позволило этому германскому банку участвовать в займе вместе с рядом французских банков и «Австрийским земельным банком». Гарантсиями нового займа служили доходы государственной железной дороги Белград—Ниш—Вране, доходы от гербовых сборов, табачной, нефтяной, соляной монополий и т. д. Более того, сербское правительство согласилось с созданием Главного управления монополий, в административный совет которого входили французский и германский представители. Это было началом эры иностранного финансового контроля в Сербии ¹¹³.

В 1899 г. германский капитал являлся наиболее крупным держателем ценных бумаг сербского займа 1895 г., владея почти половиной облигаций. После кризиса начала века бблшая часть сербских ценных бумаг этого займа оказалась переведенной из Берлина и Вены в Париж ¹¹⁴.

В конце XIX и первые годы XX в. французские и германские финансисты действовали в Сербии совместно, в составе одного консорциума. Костяком французской группы являлись «Имперский Оттоманский банк» и «Восточное финансовое общество», а постоянным партнером «Берлинер хандельсгезельшафт» был банк Бет-манна во Франкфурте. Несмотря на противодействие соперников, франко-германский консорциум заключил почти все сербские займы, при более или менее значительном участии «Австрийского земельного банка» ¹¹⁵. Попытка австрийского «Унион-банка» выступить независимо от франко-германского консорциума, предложив в 1899 г. предоставить Сербии заем в 30 млн франков, потерпела неудачу.

Дальнейшее совместное проникновение германского и австрийского капиталов в Сербию столкнулось с очень серьезным препятствием: усилением антагонизма между монархией Габсбургов и Сербией. Финансисты Германии и Австро-Венгрии вынуждены были осуществлять основные кредитные трансакции в Сербии путем сотрудничества с

французским капиталом ¹¹⁶.

«Дойче банк» не был представлен в сербских финансовых операциях. Если верить Карлу Гельффериху, то Сименс чуть ли не добровольно уступил это поле деятельности австрийским, немецким и французским банкам, которые уже обладали прочными позициями в Сербии. В действительности же дело обстояло несколько иначе. В 80-х гг. «Дойче банк» установил тесные отношения с «Австрийским

земельным банком»; однако, судя по всему, этот австрийский банк не позволил «Дойче банк» вторгнуться в сферу своих интересов ¹¹⁷.

Между тем политическая гегемония Австро-Венгрии в Сербии подходила к концу. В 1894 г. прекратил существование австро-сербский договор 1881 г., по существу лишивший страну возможности вести самостоятельную внешнюю политику.

Все более важным торговым партнером Сербии становилась Германия. На развитие торговли между Сербией и Германией существенное влияние оказал торговый договор 1893 г. Германские предприниматели добивались расширения в Сербии рынка сбыта для своей промышленной продукции ¹¹⁸. Германские капиталы проникали и в сербскую промышленность. Так, в конце XIX в. в Сербии функционировало несколько крупных фабрик с иностранным капиталом, в том числе две с немецким капиталом, одна — с австрийским, одна — с английским и одна — с бельгийским капиталом ¹¹⁹.

Анализируя события на Балканах на рубеже веков, французский журналист Г. Жарэ писал, что в Сербии Германия действует осторожно, «дабы не привлечь на себя гнева своей союзницы, Австрии. Однако и в Сербии она методично и твердо преследует намеченную цель... По размерам торговых оборотов с Сербией Австрия пока занимает первое место, а Германия второе, из года в год вытесняя австрийские произведения, и близок день, когда Германия займет на рынках Сербии первое место» ¹²⁰. Однако, добившись существенных успехов в торговле, германский капитал сумел завладеть лишь второстепенными позициями в сербской экономике, а Сербия в конечном счете оказалась в зависимости от французского финансового капитала.

Из всех стран Балканского полуострова германское влияние в Греции было наименее весомым. Финансы этой страны были 'отягощены большими внешними долгами, причем ее основными кредиторами выступали Англия и Франция. В 1889г. греческое Правительство заключило заем в 135 млн франков, предназначенный для погашения заграничных и конверсии внутренних займов. В эмиссии этого займа вместе с банкирским домом «Антони Гиббс и сыновья» в Лондоне участвовал банк С. Блейхредера ¹²¹. В конце 80-х гг. внимание германских капиталистов привлекло Строительство железной дороги Пирей—Лариса, которая должна была связать район Афин с Северной Грецией. Для строительства [и эксплуатации этой линии в 1890 г. был заключен заем на сумму в] 89875 тыс. франков (или 71900 тыс. марок), в выпуске которого участвовали банкирский дом «К. Дж. Гэмбро и сыновья» в Лондоне и «Национальный банк Германии». В этом займе был заинтересо-

84

«Дранг нах Зюд-Остен»

ван также «Дойче банк». В итоге государственный долг Греции возрос до 570 млн франков, что составляло 260 франков на душу населения ¹²².

Чрезвычайная перегрузка греческого бюджета внешними долгами привела в 1893 г. к банкротству государства. В том году на падении курса греческих ценных бумаг «Национальный банк Германии» потерял несколько сот тысяч марок, а его деятельность в Греции была в значительной мере парализована.

Крайне негативное влияние на состояние греческих финансов и развитие промышленности оказало поражение Греции в войне с Османской империей в 1897 г. Турецкая армия победила благодаря наличию крупновесных пушек и помощи германских военных инструкторов. Греция могла выплатить Турции контрибуцию, только прибегнув к внешним займам, предоставить которые намеревались Париж и Лондон. Тогда германская дипломатия стала требовать, чтобы в первую очередь были удовлетворены интересы немецких держателей прежних греческих займов. Германское правительство выступило инициатором введения в Греции международного финансового контроля, рассчитывая таким путем усилить свое политическое влияние и экономические позиции в этой стране ¹²³. На конференции, проведенной шестью

европейскими державами, было принято решение об урегулировании прежних греческих долгов и эмиссии нового займа, необходимого Греции для выплаты военной контрибуции. В 1898 г. в интересах финансовой олигархии европейских держав Греции был навязан международный финансовый контроль ¹²⁴.

В Англии возникли вполне обоснованные опасения, что Германия воспользуется тяжелым финансовым положением Греции для получения железнодорожных концессий и заключения выгодного торгового договора. В европейской печати появились сообщения о том, что Вильгельм II предложил Греции своих военных инструкторов. Английскую буржуазию особенно тревожила судьба греческого торгового флота, который Германия могла попытаться поставить под свой контроль ¹²⁵.

Германия действительно проявляла большой интерес к греческим железным дорогам и добивалась их соединения с сетью балканских железных дорог. Ее внимание продолжал привлекать проект строительства линии Пирей-Лариса. Предпринимавшиеся ранее попытки получить концессию на ее сооружение не увенчались успехом. Осенью 1898 г. для ведения переговоров о концессии на железную дорогу Пирей-Лариса в Афины прибыл Сименс, но сделка так и не состоялась. Рассчитывая усилить экономическое проникновение

«Дранг нах Зюд-Остен»

85

в Грецию в результате установления с ней прямого железнодорожного сообщения и потерпев в этом неудачу, Германия в последующие годы оказывала косвенную поддержку австро-венгерскому плану строительства Санджакской железной дороги, призванной соединить железнодорожную сеть монархии Габсбургов с греческими железными дорогами ¹²⁶.

В 1900 г. греческие власти зондировали почву в Берлине о возможности направления германских офицеров для реорганизации греческой армии. Однако Вильгельм II, отнюдь не собираясь оказывать такую услугу потенциальному противнику Турции, согласился прикомандировать к греческому королевичу лишь одного немецкого офицера в качестве военного советника при условии, что он не будет нести никакой ответственности за модернизацию греческой армии ¹²⁷.

Греция стала полем ожесточенной конкурентной борьбы между иностранными военными фирмами, прежде всего между германской фирмой Маузера и австрийской Манлихера. Все же доля германских капиталов во всей сумме иностранных инвестиций в промышленности страны достигала едва лишь 2 %, а торговля с Грецией составляла только 1—2 % общего объема германской внешней торговли ¹²⁸.

Между тем германские финансисты стремились использовать все возможности для проникновения в экономику Греции. Русский дипломат Щербачев сообщал в 1903 г. из Афин, что немцы «заговорили уже о местном рынке для сбыта германских товаров, о предполагаемом заключении с Грецией новой торговой конвенции, о возможных на здешней почве немецких предприятиях и, между прочим, о Пирей-Ларисской железной дороге, в постройке которой заинтересованы некоторые немецкие банкирские дома» ¹²⁹.

По величине инвестированных капиталов страны Восточной и Юго-Восточной Европы несомненно занимали первое место в германской экономической экспансии. В конце XIX — начале XX в. на Австро-Венгрию, Балканские страны и Турцию приходилось более трети всех заграничных инвестиций и активов германского капитала (7806,2 млн марок из 22 млрд марок, размещенных за рубежом) ¹³⁰. Хотя доля Балканских стран в германской внешней торговле была весьма незначительной, во внешней торговле самих этих стран она была неизмеримо выше, что оказывало существенное воздействие на экономическое развитие этих стран и их внешнеполитическую ориентацию.

Иностранный капитал, проникавший в государства Балканского полуострова, оказывал двойственное влияние на становление их экономики. С одной стороны, он содействовал строительству в них

86

«Дранг нах Зюд-Остен»

сети железных дорог и развитию некоторых отраслей промышленности, стимулировал зарождение современных банков и развитие кредита, способствовал включению молодых Балканских государств в систему мирового хозяйства. Это ускоряло их экономический рост, стимулировало формирование промышленного пролетариата, национальной буржуазии и интеллигенции. С другой стороны, иностранный капитал, содействуя развитию тех или иных хозяйственных отраслей лишь в своих экономических и политических интересах, придавал экономике Балканских стран однобокий характер, деформировал ее структуру, стремясь эксплуатировать природные ресурсы этих стран, превратить их в поставщиков сырья, сферы приложения капитала и рынки сбыта для своей промышленной продукции, эксплуатировал народы Балканских стран по существу колониальными методами. Сбыт зарубежных промышленных товаров препятствовал развитию важных отраслей национальной промышленности. В то же время балканские экспортеры сельскохозяйственной продукции были заинтересованы в германском и австро-венгерском рынках, поглощавших значительную часть их вывоза ^{III}.

Оказавшись в зоне соперничества германо-австрийского и русско-французского военно-политических блоков, Балканские страны стремились проводить политику, позволявшую им маневрировать между этими коалициями. В конце XIX — начале XX в. происходил рост антиавстрийских настроений в Сербии. В Румынии усиливались тенденции к нормализации и улучшению отношений с Россией. Восстановление дипломатических отношений между Болгарией и Россией сопровождалось усилением российского влияния в Софии ^{III}.

В германской политике, проводившейся в отношении стран Юго-Восточной Европы, все больший вес приобретали экспансионистские интересы финансового капитала. Это объяснялось тем, что германский империализм вследствие относительной ограниченности своих колониальных владений особенно активно выступал за проникновение в малые страны и их подчинение, что отражало общую тенденцию, характерную для зарубежной экспансии великих держав в условиях завершеного территориального раздела мира. То, что правящие круги Германии ориентировались прежде всего на страны Юго-Восточной Европы, объяснялось многими причинами. Государства этого региона располагали значительными и еще мало разработанными источниками сырья. Благодаря ввозу капитала и развитию транспортной инфраструктуры они стали превращаться в перспективные рынки сбыта. Благоприятное для Германии географическое положение Балканских стран, примыкавших к союзной с ней Австро-Венгрии, к тому же находившейся в силь-

«Дранг нах Зюд-Остен»

87

ной зависимости от германского финансового капитала, облегчало германскому империализму осуществление экономической экспансии и политического влияния в этом регионе и делало возможным в случае необходимости непосредственное военное вторжение. Постепенный распад Османской империи и политическая слабость молодых Балканских государств благоприятствовали германским экспансионистским устремлениям, тем более что эти страны еще не находились под бесспорным господством какой-либо другой великой державы. К тому же достижение гегемонии на Балканах являлось необходимой предпосылкой для обеспечения и расширения германской сферы эксплуатации в азиатских владениях Турции. В юго-восточном направлении германской экспансии особенно зримо объединялись континентальная и мировая политика германского империализма ^{III}.

Багдадская железная дорога давала германскому капиталу, а тем самым и германскому правительству, которые выступали на Ближнем Востоке «единым фронтом», возможность установить контроль над Черноморскими проливами, влиять на дееспособность российского Черноморского флота и в случае необходимости относительно быстро сконцентрировать турецкие войска на Босфоре. Она могла быть использована для организации наступления на кавказской границе России и вторжения в русскую сферу влияния в Персии, должна была способствовать установлению

контроля над восточной частью Средиземноморья и открывала для Германии сухопутную дорогу в Индию¹³⁴.

К. фон дер Гольц в 1901 г. отмечал большое стратегическое значение направления германской экспансии через Балканы на Ближний Восток, которое не зависело от Суэцкого канала и непосредственного английского воздействия и к тому же являлось значительно более коротким путем в Индию и на Дальний Восток, и требовал безусловного осуществления под германским руководством проекта строительства железной дороги Берлин—Багдад. В согласии с заинтересованными кругами германских финансистов Вильгельм II усматривал в установлен и тесной связи Германии и Австро-Венгрии с Турцией возможность «испортить жизнь англичанам в Индии»¹³⁵. Таким образом, это направление экспансии предоставляло правящим кругам Германии огромные преимущества в соперничестве как с Англией, так и с Россией и Францией.